

16

TET - A - TET

Арументы и гранты, -1997, - июль (№29) - с.8

- Лена, на свете столько прекрасных мест - разве на все хватит любовных воспоминаний?

- Вот потому и получается, что иногда признанные красоты ничего тебе не говорят. Но когда встречаешь людей, с которыми что-то проживаешь, какую-то историю... это становится воспоминанием.

- Если не секрет: что же остается в памяти?

- Всякая ерунда. Какие-то мелочи. Вот Париж, например, со всей своей красотой и культурно-исторической ценно-

стью. Это колоссальная страна, разные штаты, как разные государства. С бывшим мужем, он профессор языка и литературы, я жила в основном в провинциальных университетских кампусах - они такие же, как во всем мире. Нью-Йорк трудно охарактеризовать, он особый, он как бы лишен запахов. Может быть, оттого, что стоит на реке? Я очень люблю Сан-Франциско. Он мне напоминает Одессу, город моего детства, где мой отец, режиссер, одно время работал на киностудии. Вернее, Сан-Франциско

случай, которого не произошло. Или этот случай нужно создать и чтобы кто-то активно в этом помог. Хотя я знаю людей, обладавших гораздо большими, чем у меня, связями в Голливуде, - но и в их случае "прорыва" в него не произошло. К слову, в Америке я однажды рассказывала о своей жизни одной девушке - кажется, мы с ней вместе работали в русском ресторане. Она певица, очень эффектная блондинка с длинными волосами, большими синими глазами, этакая Мальвина. Слушала-слушала о моих

Фото Бориса Кремера

Елена Коренева вернулась домой

Она прожила в Америке без малого пятнадцать лет. Уезжала, что называется, "за любовью" - вышла замуж. За это время успела развестись с мужем, окончательно повзрослеть, научиться зарабатывать деньги и водить машину, пережить болезненное для актера соседство Голливуда... Теперь, с высоты своего опыта, она уверяет: "Каждый город помнишь по любовному воспоминанию".

одновременно похож на портовую Одессу и холмистый Нижний Новгород. Жарятся каштаны, летают чайки. Там живет много китайцев, есть даже особый "китайский город", и он тоже примешивает свои запахи. Вообще в том и разница: в Сан-Франциско есть запахи, а в Нью-Йорке их нет.

- Зато есть цвета!

- Да, кстати, это всегда первый шок от Америки - "цветовая гамма" людей, рас, языков. Кто-то из моих знакомых американцев говорит, что русские - самая белокожая нация. Это считается очень престижным, как бы "породой". Им это бросается в глаза, они уверяют, что белолицесть русских женщин - как белая бумага - завораживает. А меня в Америке потрясло такое вдруг полное разнообразие физиономических типов. После Америки мне, коренной москвичке, все московские женщины казались на одно лицо...

Самые любопытные цвета, кажется, в Париже. Как ни странно, там и дома, и машины часто красят в ярко-синий цвет. Не натуральный синий, а такой как бы без оттенков, не синий даже, а очень насыщенный ярко-голубой. И еще розовый. А Нью-Йорк весь бело-черный и металлический. Он похож на кинематограф, на черно-белую пленку. Лос-Анджелес - желтый. Когда я рассталась с мужем и приехала жить в Лос-Анджелес, было совершенно непонятно, зачем я там, кем работаю, кто мне там дорог, кто меня знает, кого я знаю. Но, выходя каждое утро на улицу и поднимая лицо к небу, огромному, на котором отпечатались такие пальмочки, как звездочки, - длинный ствол и маленькая кисточка наверху, - я понимала, что пальма - самое смешное дерево на свете. Вид бескрайнего неба просто дает ощущение счастья. И уже не важно: одна ты или вас двое, кто тебя ждет... Это город более безличный, чем, скажем, Сан-Франциско. Человек приезжает туда, чтобы остаться один на один со стихией океана и воздуха. Хотя чаще ему кажется - что делать карьеру в кино.

- Так вы сознательно решили не внедряться в Голливуд?

- Отчего же. Если бы меня снимал Форман, или Полянский, или Вуди Аллен, или Кончаловский... я была бы счастлива. Но для этого нужен

ролях, любви, драмах, проблемах с получением визы на родину и т. д. и говорит: "Лена, твоя жизнь - материал для звездной судьбы. Ты должна сняться в Голливуде!" Она как раз очень точно определила. Чтобы "делать звезду", хорошо когда для этого что-то в судьбе уже есть. Но у меня относительно Голливуда было желание, но не было идефикс. А в моей жизни что-то резко меняется всегда в результате идефикс.

- Последние три года вы прочно осели в Москве. Устали от кочевой жизни или?..

- Сейчас я не одержима идеей перемещения в пространстве. У меня нет конкретной необходимости быть в Америке - кроме собственного удовольствия. Раньше я это высоко ценила. Считала, что это очень важное обстоятельство, когда я, взрослая женщина, сама выбираю, где жить. И живу там, где моей душе угодно. Но сейчас мне важнее быть в зоне досягаемости моих близких - мамы, сестры. Не только потому, что я им нужна, - они мне нужны. Я за них волнуюсь. Мне кажется, что здесь я могу быстрее помочь маме. Материально в том числе. Дело в том, что в нашей семье больше женщин, чем мужчин. Два года назад умер мой отец. Я не замужем, и хотя у меня есть мужчина, это состояние для меня достаточно новое, мы не так давно вместе. Рассчитывать в основном не на кого.

- У вас было ощущение, что вы вернулись не в тот город, из которого уезжали пятнадцать лет назад?

- Отнюдь. На улицах та же озабоченная толпа. Нет в ней вальяжности, нет удовольствия и довольства собой, которыми отличаются западные променады. Улицы хоть и посветлели, но по-прежнему очень темны. Несмотря на западную рекламу, город по-прежнему не очень похож на западный. И мы не очень похожи на западных людей. Даже богатые русские люди, которые ездят на "Мерседесах", сидят ночью в клубах и выезжают на знаменитые курорты, - они очень русские по манере общения.

- А вы успели стать западным человеком?

- Не стала. Когда я выхожу из метро "Речной вокзал", в районе которого прошла моя юность и живет моя мама, я чувствую себя полноценным человеком. У которого есть душа, не только тело.

Наталья КРУШЕВСКАЯ

стью. Он мне особенно дорог тем, что там есть такие... палаточки, в которых продаются горячие блины. Можно купить просто пустые, с маслом или с маслом и с сахаром, с вареньем, с медом, с чем-то еще. Они и летом есть, но зимой... Зимой так запотевают стекла палаток, и желтые, золотые эти блины - такое чудо посреди Парижа! Собственно, такими мелочами города и отличаются друг от друга.

- Если это и мелочи, то, видимо, символические?

- Почему? Самые банальные. Хотя в какой-то момент, после, они такими становятся. Вот уж никогда не могла заподозрить, что как записной разведчик затоскую по снегу, черному хлебу и березкам! Но, как ни странно, ностальгия действительно возникает на банальнейшие вещи: снег, черный хлеб, березы. Два года назад мне пришлось играть в пьесе, где героиня - русская, рожденная в конце XIX в. в Петербурге, которая уехала в Германию, там училась, прожила всю жизнь и умерла. Она была любовницей Рильке и подругой Фрейды - писательница Лу Андреас Саломе. Она привозила Рильке в Россию, знакомила со Львом Толстым и прочими. В пьесе был момент, когда она рассказывает Рильке, какой вновь видит Россию. Говорит о запахе папирос и овчинного тулупа, снеди, о последнем миге зимы перед весной... И режиссеру Евгению Каменьковичу тогда показалось, что это "клякwa". Он возмущался: кому нужен этот кич? А я его убеждала: поверь мне, русской. Это даже не сарказм, это истина. Все сводится к трем-четырем вещам. Как дети скушают по игрушке, так и взрослые люди - по чему-то элементарному. По осадкам! Это может быть даже слюкот, грязь.

- А в "чужих краях" вам удалось уловить такие вот символические запахи?

- Что касается Америки -